

АННА НА БРОННОЙ

ФОТО ИЗ ЖУРНАЛА «ПЛЕЙБОЙ»

В самом начале сезона театральный и околотеатральный мир из уст режиссера Андрея Житинкина узнал о том, что тот, наконец, нашел свою Анну Каренину. Красавица Евгения Крюкова появилась на сборе труппы Театра на Малой Бронной и под ревнивыми взглядами актрис была представлена собравшимся как будущая жертва безжалостного паровоза. Поговаривают, правда, что, согласно концепции Житинкина, гибель Анны – лишь плод ее наркотического бреда...

ФОТО ИГОРЯ ИВАНДИКОВА

– Вы производите впечатление человека очень благополучного. Кажется, вам повезло во всем: внешность, популярность, обеспеченность, семья, любимый муж, ребенок... Вы действительно такая гармоничная и счастливая?

– Так я вам все и рассказала! Конечно. Раз произвожу впечатление, значит, такая и есть.

– То есть для человека публичного имидж равен истине?

– Хороший вопрос! Но если я такой имидж создаю, то зачем же я вам буду говорить что-то противоположное? Существует, конечно, разница между тем, какая я на самом деле и какой меня видят окружающие. Но действительно, в общем, так оно и есть: с работой все в порядке, в семье все нормально, дочка растет. Все классно! Переживания по разным поводам бывают, но это дело интимное, я вам про это рассказывать не буду.

– А что вас может вывести из равновесия? Чем вас можно разозлить?

– Очень не люблю ложь. Когда встречаюсь с ней, особенно у близких мне людей, просто трясти начинаю. Искренность – очень важный момент, а без нее – жить нельзя. Какой-то вы философский вопрос задали, меня в дебри тянет... Хочется ответить кратко и просто, а меня несет куда-то.

– Тогда давайте про театр. Вы проработали немало лет в Театре имени Моссовета, играете там много ролей. Что заставило вас идти на Малую Бронную?

– Но я же не бросаю Моссовет! Это мой театр. На Бронную я иду играть Анну Каренину в спектакль Андрея Житинкина.

– Вы видели его спектакли на Бронной? Какие впечатления?

– Конечно, видела. Я знаю этого режиссера, работала с ним. Мне с ним хорошо работается, комфортно. Он дает возможность ощутить пространство спектакля и себя в нем. Он очень разный. У него бывают настоящие творческие удачи. Мне повезло, я в таком спектакле у него играю!

– Какой будет ваша Анна Каренина?

– Об этом я скажу на премьере. Репетиции начнутся в конце сентября.

– Вы бы пошли за Житинкиным в любой театр?

– Мне не все равно. Хотя я доверяю режиссеру, за которым иду. Для меня пока все это сложно – новый театр, новые люди, новые отношения.

– То, что Бронная – легендарный театр, что там живет дух театра Анатолия Эфроса, для вас это что-то значит?

– Конечно, значит! Это, правда, уже совсем другой театр, там другие духи веют, но все ощущается. Хотя театр изнутри я совсем не знаю. Пока впечатления только положительные.

– Душевный контакт с партнерами по сцене важен?

– По-разному. В одной ситуации контакт может помочь, а в другой – нужен конфликт. В разгар ссоры рождается очень сильная энергетика. На съемках одной картины у нас с партнером были сложные отношения. Нас разводили по разным гримеркам, потому что мы могли вцепиться друг другу в лицо при встрече. Но работать-то надо! И в результате в фильме – полное ощущение, что у нас безумная любовь. Название фильма и имя актера я, разумеется, называть не буду.

– Жалы! Ваше ампула героини вам не надоело?

– Как это может надоест?! В каждой моей роли есть характерность! Какой странный вопрос вы задали!!! Вы вообще видели мои спектакли?! А фильмы? И последний – «Упасть вверх»? Там же разные есть эпизоды! А что вы предлагаете, как я должна отвечать на ваш вопрос?!

– Как бы вы ни ответили, это будет интересно.

– Вы ушли от ответа!

– Как и вы иногда!

– В конце концов, все решают зрители!

– Актеры часто говорят, что зрители бывают разные, что от этого зависит, как пройдет спектакль. Это правда?

– Конечно. Бывают закрытые зрители, трудные. Не всегда понятно, чем это объяснить. Конкретный пример – когда в театре случается замена спектакля. Люди пришли посмотреть «Мамашу Кураж», а им показывают «Двенадцатую ночь». Они не так настроены, недоверчивы. Их нужно переключить, это требует иногда больших усилий. А бывает, махнешь рукой, подумаешь: «Пусть, как полу-»

5.09.2002

008 Крюкова Евгения

читается — так получится», и вдруг что-то включается! Это и от моего настроения зависит — синтез, непосредственное сотрудничество. Иногда встречаются такие зрители, что вообще ничего не хотят. Иногда реагируют совершенно необъяснимо, не в тех местах, где ждешь; или вообще не реагируют, как мертвые. Тогда пугаюсь: может, что-то не так? Это живое, сиюминутное дело, оно и называется театром.

— **Трудно текст роли учить?**

— Нет. Это практика. Все по-разному это делают: кто на кассету записывает, кто переписывает на бумажки. Я роль даже из театра редко выношу. Просто во время репетиций читаю и запоминаю. Для меня этой проблемы никогда не существовало.

— **А что действительно трудно?**

— (Долгая пауза. Потом неуверенно) Найти зерно. То самое, пресловутое зерно. Можно играть спектакль и не получать от этого удовольствия, потому что опереться не на что, ступенек нет. Это зависит от режиссера, без него очень плохо: туда-сюда, а ничего не получается.

— **С каким режиссером вам бы хотелось поработать?**

— С Петром Наумовичем Фоменко! Но, увы...

— **Часто ходите на чужие спектакли?**

— Редко. Времени мало и разочароваться боюсь. Но иногда смотришь из зала на сцену и жалеешь, что ты не там — это значит, спектакль очень хороший. Спектакли Роберта Стурра я смотрела именно с таким чувством.

— **Критические статьи на свои спектакли и фильмы читаете?**

— Читаю.

— **И какие ощущения?**

— Да никаких! Я от этого не завишу. Есть люди, которым я доверяю абсолютно. Если они говорят, что надо что-то исправить, я пытаюсь. Да я в принципе и сама стараюсь объективно себя оценивать. Понимаю, что это невозможно, но стараюсь. А пишут такое... Ведь редко пишут правду! Часто даже дают оценку, не видя спектакля. У меня сестра журналист, я знаю, как это делается.

— **Насколько важен для актера материальный стимул?**

— Надо же как-то деньги на жизнь зарабатывать! В театре о деньгах и говорить нечего. А в кино... Естественно, статус от гонораров зависит и наоборот — гонорары от статуса. Но в принципе, если мне нравится компания, которая снимает фильм, нравится сценарий, вся совокупность предлагаемых обстоятельств, то я вопрос о гонораре поставлю на последнее место.

— **Расскажите про актерские суеверия. Они для вас существуют?**

— Да. Когда тетрадка с текстом роли падает, сажусь на нее всегда, где бы она ни оказалась. Иногда этот текст живет в машине. Я его бросаю на заднее сиденье, и при торможении он съезжает вниз! Тогда я всегда лезу между сиденьями, чтобы на него сесть. И обязательно сажусь! Перед выходом на сцену всегда крещусь... Но вообще я не очень суеверна. Через левое плечо только плюю, если что-то не так. Суеверия — это грех. Стараюсь от них не зависеть.

— **Как совмещаются религиозные убеждения с актерской профессией?**

— Очень важно к этому правильно относиться... Вообще, не люблю обсуждать этот вопрос! Это моя работа, и у меня нет угрызений совести по этому поводу, мне не хочется каяться. Однажды пришла на исповедь в церковь, а батюшка мне говорит: «Ой, вы знаете, надо менять профессию!» А мне незачем менять профессию, потому что я не занимаюсь лицедейством, я это делаю по-другому... Не хочу больше говорить об этом!

— **Кем бы вы были, если бы не стали актрисой?**

— Я должна была быть архитектором, училась в Архитектурном. Все произошло случайно. И теперь я не

хотела бы заниматься ничем другим. Хотя жадности у меня нет. Если мне не звонят, куда не приглашают, то я не расстраиваюсь. Могу месяцами не работать и нахожу другие радости в жизни, которые меня вполне устраивают. Но без актерства — невозможно. Поэтому не знаю, кем бы я была, если не актрисой... У меня много увлечений, но профессия — одна.

— **Расскажите об увлечениях.**

— Мне нравится заниматься всякими прикладными вещами: шить, изобретать. Я делаю мебель на даче, вяжу занавески, делаю кукол из того, что есть под руками. Из воска, из эпоксидной смолы, из фарфора, гипса, поролон.

— **А для дочки делаете куклы?**

— Пока она маленькая, но думаю, что все это впереди.

— **Появление ребенка что-то изменило в вашей жизни?**

— Конечно. Что-то меняется в тебе, по-другому начинаешь относиться к жизни, становишься более уязвимой. На все смотришь с другой точки зрения: теперь в мире есть человечек, от которого я завишу.

— **Ваши родные ревнуют вас к профессии?**

— Бывает. Я сейчас все время мотаюсь на съемки в Петербург. Недавно прилетаю домой, мама сидит с Дуняшей. Она рассчитывает, что я приехала с новыми силами, а я — наоборот, совершенно вымотанная. Так что иногда им это надоедает. Но ненадолго.

— **Как поддерживаете форму?**

— Спортом занимаюсь очень редко. В основном, какие-то диеты. Но до идиотизма, до абсурда не довожу.

— **Год назад вы снялись обнаженной для «Плейбоя». Зачем?**

— Захотелось! В нашем кино снимать эротику пока не умеют, только учатся. Рисковать не хочется, страшно, что будет пошло, недостаточно профессионально. А время идет, оно не щадит — не позволяет ждать, пока научатся. Поэтому я решила, что в «Плейбое» сумею сделать так, как надо. Мы пять раз переснимали! Что-то все время не устраивало. Старались, чтобы была какая-то история, сюжет. Результат мне очень понравился, так что все прошло для меня безболезненно. Это замечательная, профессиональная работа — и художника, и фотографа. И эти снимки не будут рассматривать ради отдельных деталей: «Ага, грудь Крюковой!»

— **Так ведь именно так и рассматривают!**

— Мы добивались другого. И добились, по-моему. Все смотрят сначала на фотографию в целом, а потом уже...

— **После двух замужеств за актерами вы говорили, что актеры — это не мужчины. А как же ваши партнеры — Караченцов, Домогаров — кумиры, любимцы дам?**

— Пускай они остаются кумирами и любимцами! Я уже высказалась на эту тему, и мнение мое с тех пор не изменилось. Есть, конечно, актеры, которые остаются мужчинами, они занимаются чем-то еще... Но я не хочу никого обижать!

— **В рекламе могли бы сняться?**

— До сих пор это было мне не интересно — отказывалась от всех предложений. Если будет что-то очень красивое... Мадонна снялась у Гая Риччи в рекламе «БМВ» — здорово! Если это имиджевая, красивая реклама — почему бы нет!

— **Любите смотреть свои фильмы?**

— Нет... Не все. Новые фильмы совсем не люблю — вижу все ошибки, хочется исправить, а поздно.

— **Что запомнилось на киносъемках?**

— Снималась недавно у Сергея Соловьева в картине о любви по Чехову. В самом начале съемок Сергей Александрович дал интервью, которое называлось «У нас будет компьютерная бабочка». Предполагалось, что она будет перелетать с секретера ко мне на волосы, потом на плечо к Збруеву, и все это должны были сделать на компьютере. А с нами работал человек, который все знал про

«А бабочка крылышками...» в исполнении Евгении Крюковой. Очень натурально!

Гармония налицо: с мужем Сашей.

Режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич с двойником, сделанным руками актрисы.

Евгения КРЮКОВА родилась в 1971-м. Проучилась год в Архитектурном институте и забрала документы. В 1995-м окончила ГИТИС, курс П.О. Хомского, художественного руководителя Театра имени Моссовета. С 1993 года — актриса этого театра. Роль скромной и гордой Юлии Беровой в сериале «Петербургские тайны» сделала ее знаменитой. Снималась также в сериалах «Досье детектива Дубровского», «Бандитский Петербург», в фильмах «Встретимся на Таити», «Далеко от Санкт-Петербурга», «Три дня вне закона», «Русский роман».

насекомых, совершенно ими одержимый, он приносил нам зимой божьих коровок, мух. И вдруг он говорит: «У меня завтра родится махаон». Мы посмеялись, а он принес вскоре новорожденного махаона невероятной красоты. Его посадили ко мне на волосы. Бабочка сначала отказывалась реагировать. На нее и дули, и махали; я дергалась, подмигивала, ей надоело и она улетела из кадра, а потом вдруг села рядом и поползла на мою руку. Соловьев заорал: снимайте, снимайте. Бабочка замечательно ползала — и по рукам, и по лицу. Все отсняли, кадры вошли в картину. А потом Сергей Александрович говорит: «Ну, вот, теперь никто не поверит, что это была живая бабочка!»

— **Сейчас где снимаетесь?**

— У Рязанова в комедии «Ключ от спальни». Четырнадцатый год, стиль — как в немом кино... Я играю женщину, страдающую от последствий первого в ее жизни адюльтера. Там потрясающие костюмы, декорации — должен получиться красивый фильм.

— **Джюльетту, Офелию хотели бы сыграть?**

— Это все в прошлом. Этого я хотела в институте. Так же, как Настасья Филипповна, Нору в «Кукольном доме». Из сбывшегося — «Двенадцатая ночь». А вообще, у меня всегда было много работы — я мало мечтала. Анна Каренина входила, кстати, в список мечтаний.

— **А кого будете играть через 10, 20 лет?**

— Леди Макбет, как пить дать!

— **Когда вы почувствовали, что популярны?**

— Я до сих пор стараюсь этого не чувствовать. Но вот после «Петербургских тайн» пришла однажды на рынок, попросила морковку, а мне говорят, убежденно так: «Денег не надо!»

— **А вы что, на рынок ходите?**

— А как же!

— **Сумасшедшие поклонники есть?**

— Были. Приходили к театру, просили автограф, рассказывали, что безумно меня любят, знают все мои спектакли, мой адрес, номер телефона, а потом говорили, что теперь я должна принести десять тысяч долларов, иначе меня завтра убьют! Настоящий шантаж! Я ходила по Тверской с «жучками», в зрительном зале дежурили какие-то люди... Это было лет шесть назад.

— **Страшно было?**

— На игру похоже. Я не успела испугаться. Папа со мной ездил на работу, все обсуждали эту проблему, так было забавно! А сейчас много поклонников, подарки дарят, после спектакля ждут. Много девочек, они дарят подушечки, сердечки, панно с надписью «Женя». Очень трогательно! Я все подарки храню, ведь это все с такой душой делается!

— **Говорят, вы не так давно сделали пластическую операцию...**

— Спасибо Житинкину! Это он первый всем рассказал... Спросите его, он вам еще что-нибудь этакое про меня выложит! Да, была пластическая операция, да, у меня всю жизнь были оттопыренные уши. Я их приклеивала — пластырем, скотчем, гримерным клеем. Однокурсники мне говорили: «Жень, а еще есть шиферные гвозди!» В детстве я очень переживала, был настоящий комплекс. А потом приклеивать уши вошло в привычку. Невозможно же, чтобы на сцену выходила королева Испании и — с оттопыренными ушами. Это уже был образ жизни. Самое страшное было выходить с гладкой прической в свет — на важное мероприятие, на переговоры — и понимаешь, что забыла дома клей! Крутить головой перестаешь, чтобы не потянуть кожу, чтобы не отклеилось ухо. Думаешь только об этом — и загадочность такая во зроре... Но это, наконец, позади.

— **Теперь, когда проблем с ушами больше нет, какие остались страхи?**

— Много...

— **Есть такие, о которых можно рассказать?**

— Нет. Пускай я останусь для всех идеалом гармоничной и счастливой женщины.

Встречалась
Мария ЛЬВОВА